Дракон на Северной Стене

Ло На

Ло На

Дракон на северной стене

«Автор»
2026

На Л.

Дракон на северной стене / Л. На — «Автор», 2026

После смерти матери Эйра обнаруживает, что городские книги вычеркнули её сестру Иву. Чтобы найти её, Эйре придётся выяснить, как Кадерн защищается от Белой бури и кто платит за эту защиту. Помочь ей может Рен, у которого есть своя тайна.

© На Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Лишняя тарелка 6
Глава 2. Два журнала 10
Глава 3. Экзамен на остановку 13
Глава 4. Комната неверных адресов 17
Глава 5. Цена яблочного запаха 20
Глава 6. Ученик без перевода 23
Глава 7. Под чешуёй 28
Глава 8. Ночная опись 32
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Ло На
Дракон на северной стене

Дракон на северной стене

Глава 1. Лишняя тарелка

За завтраком я поставила на стол две тарелки. Свою — белую, со следом от ножа на ободке. Вторую — синюю, с отколотым краем. Я заметила вторую тарелку лишь тогда, когда суп начал остывать.

Ошибкой была не вторая тарелка. Ошибкой было то, что я до сих пор ставила её на стол, хотя Ива не появлялась дома два года.

После похорон матери я почти перестала готовить. Брала хлеб у пекаря, ела стоя над рабочим столом, запивала всё крепким чаем. Сегодня мне почему-то захотелось сварить суп по маминому рецепту. Возможно, потому, что за окном с утра шёл холодный дождь. Возможно, потому, что вчера в городском архиве я увидела ведомость, которой не могло существовать.

В ней значилось, что у моей матери была только одна дочь.

Я положила ложку на стол, достала из ящика карандаш и написала в тетради: «Мама — две дочери. Эйра Норр, 23. Ива Норр, 26». После подумала и добавила: «Ива старше на три года. Уехала в Кадерн два года назад. По словам мамы — на оплачиваемую работу при защитных мастерских».

Последнюю строку я подчеркнула. О работе Ивы я знала только со слов матери. За шесть лет работы с архивными делами я научилась отличать одно от другого. Только в собственной жизни делала вид, будто разницы нет.

Ива перестала отвечать почти сразу после отъезда. Сначала пришли два коротких письма с одинаковыми строками о погоде и работе, затем — отпечатанная карточка: «Обязательства продлены. Личная переписка временно приостановлена». Мама убрала карточку в жестяную коробку и сказала, что сестра сама выбрала молчание. Мы поссорились. Через полгода начали обходить эту тему, будто в доме появилась треснувшая ступенька: каждый знал, куда нельзя наступать.

Когда мама умерла, я нашла коробку пустой.

Вчера же, переклеивая корешок похоронной книги, заметила, что лист с нашей семьёй заменён. Бумага была той же плотности, но срез ровнее, чем у соседних страниц. Тому, кто подменил лист, не хватило терпения подобрать прежнюю нить. В старых проколах оставались волокна серого льна, а новый лист держался на зелёном.

Я сделала оттиск шва на тонкой бумаге и принесла домой. Не для того, чтобы доказать существование сестры. Я прекрасно помнила Иву: длинные пальцы в уколах от иглы, привычку считать ступеньки вслух, гримасу, которую она строила перед тем, как признать свою неправоту. Я хотела доказать, что кто-то сознательно исправил историю нашей семьи.

Синяя тарелка стояла напротив меня. Под сколом сохранилось корявое детское «ИВА». Надпись сделала сама Ива, когда мы были маленькими. Мне досталась белая тарелка, ей — синяя. Я помнила эту ссору гораздо лучше нашего последнего разговора.

В дверь постучали три раза. Постучали осторожно, но с той уверенностью, с какой обычно приходят люди, имеющие право ждать ответа.

Я не открыла сразу.

— Кто?

— Рен Элдар. Служба внешнего пояса Кадерна. У меня письмо, адресованное Эйре Норр.

— Письма можно оставлять под дверью.

— Можно. Но мне придётся записать, кто его получил. Иначе ещё один человек решит, будто вас не существует в ведомостях.

Я отодвинула засов.

На пороге стоял высокий мужчина в тёмном дорожном плаще. Капли на его плечах были белыми. Не снег — слишком мелкие и неподвижные. Я провела пальцем по ближайшей капле: та рассыпалась сухой каменной пылью.

— Что это?

— След перевала, — сказал он. — Там сегодня стало на три шага дальше, чем было вчера.

— Перевал не умеет становиться длиннее.

— Я тоже предпочёл бы старые правила.

У него были светлые пряди у висков, тёмные внимательные глаза и круглый след ожога на запястье. Он увидел синюю тарелку у меня за плечом, но ничего не сказал. Это было к лучшему. Я не собиралась объяснять незнакомцу, почему накрываю стол для отсутствующего человека.

Письмо оказалось официальным. Ни золотых печатей, ни загадочных знаков: обычный бланк с номером, двумя подписями и серым оттиском службы пояса. Меня приглашали в Кадерн для проверки повреждённых переплётов аварийного архива. Срок прибытия — до вечера следующего дня. Вознаграждение — вдвое выше моей месячной платы. Доступ к первичным описям — по отдельному разрешению.

— Почему я? — спросила я.

— Вы заметили подмену страницы в городской похоронной книге.

Я подняла глаза.

— Откуда вам известно?

— Ваше заявление передали на проверку. Его заметили люди, которым не понравился вопрос.

Он произнёс это спокойно, и от спокойствия стало холодно. Я ещё никому не подавала заявления. Оттиск лежал в моей тетради, а в архиве я вчера только спросила, кто переплетал книгу. Значит, кто-то уже назвал мой вопрос заявлением. Или хотел, чтобы я поверила, будто документы движутся без моего участия.

— Вы ошиблись, господин Элдар. Я не подавала жалобу.

Он снова посмотрел на подпись внизу листа; большой палец согнул угол бумаги.

— Тогда покажите мне, что именно нашли.

— Сначала покажите копию обращения, на которое ссылаетесь.

Он снял перчатку, достал из кармана сложенный лист и подал мне. В верхнем углу стоял входящий номер, внизу — фамилия «Норр». Подпись походила на мою, но на букве «р» рука дважды оторвалась от бумаги. Я так не писала: приучилась вести перо одним движением, когда переписывала каталожные карточки.

— Подпись чужая, — сказала я.

— Это я и надеялся услышать.

— Вы привезли подделку, чтобы проверить меня?

— Я привёз доказательство, что кто-то хотел провести вас через нашу систему без вашего согласия. Мне поручено сопровождать вас. Но принимать приглашение вы не обязаны.

Он не торопил меня с ответом. После писем, в которых за Иву всё решали другие, это имело значение.

Я спросила, сколько времени осталось до очередной Белой ночи. Слухи о ней докатывались до нашей долины даже в годы, когда перевал стоял спокойно. Раз в несколько сезонов над Кадерном возникала белая полоса, и расстояния между домами менялись. Повозки возвращались к тем же воротам, с которых уезжали, мосты растягивались, будто их строили из мягкого дерева. Поэтому город и держал семь защитных постов, о которых жители долины говорили почти как о чуде.

— Двадцать один день, — ответил Рен. — Если всё пойдёт по расчёту.

— А если не пойдёт?

— Тогда вам понадобятся не красивые легенды, а точные записи.

Я попросила полчаса. Он отступил от двери, не пытаясь заглянуть в комнату.

Первым делом я переписала письмо. Потом срисовала чужую подпись с фальшивого обращения. Оригиналы положила в папку отдельно от собственных заметок. Синюю тарелку завернула в полотенце: при всей нелепости подобного багажа она была единственным предметом с именем Ивы, который никто не успел переписать. Красный шарф с косой штопкой оставила висеть у двери. Стежок принадлежал мне, вещь — сестре. Я знала, как он возник, и оттого могла не бояться, что это лишь выдуманная улика.

Перед отъездом я настояла на визите к госпоже Тесс, заведующей нашим городским архивом.

— Сейчас? — переспросил Рен, когда мы вышли к экипажу. — Дорога через перевал займёт почти весь день.

— Вы хотели точных записей. Я тоже.

У Тесс была привычка ставить карандаш поперёк открытой книги. Я нашла её именно так: над каталогом, подрагивающим от сквозняка.

— Если опять по поводу семейной ведомости, — начала она, — я уже сказала, что отправлю запрос переплётчикам.

— Отправьте не запрос, а акт. Вот два образца нити и оттиск прежних проколов. И ещё: кто заказывал замену листа?

Она сняла очки.

— Тебе не понравится ответ.

— Мне уже не нравится вопрос.

Тесс повернула ко мне журнал хозяйственных расходов. Напротив даты переплёта стояло: «Поправка состава семьи по распоряжению северной службы». Подпись была неразборчивой, но номер распоряжения сохранился.

— Кто его принёс? — спросила я.

— Не знаю. Не я принимала.

— Кто принимал?

Она помолчала так долго, что за окном успел проехать воз с дровами.

— Помощник ночного сторожа. Его в тот день оставили за меня. На следующее утро уже никто не хотел обсуждать распоряжение.

— А вы?

— И я не хотела, — призналась Тесс. — Это была моя ошибка.

Я не стала требовать от неё признаний побольше. Человеческий страх — плохая, но понятная причина молчания; мне нужна была фамилия того, кто начал подменять записи.

Тесс разрешила снять копию строки и приложила к ней старую карточку матери. На обороте сохранилась насечка из двух коротких черт и одной длинной — мамин способ отмечать бумаги, которые требовали повторной проверки.

— Она оставила её здесь за месяц до смерти, — сказала Тесс. — Просила поднять дела о северных складах. Я не успела ей ответить.

В кармане будто что-то потяжелело. Мама, выходит, не просто смирилась с молчанием Ивы. Но что она узнала, я пока не могла утверждать.

Мы тронулись после полудня. Рен сидел напротив, держал на коленях коробку с инструментами и не задавал вопросов. Это неожиданно помогало думать.

На первом перевале я открыла тетрадь.

«Доказано: лист заменён; подпись под обращением поддельная; мать запрашивала материалы северных складов».

Ниже написала: «Не доказано: Ива не могла уехать добровольно; мать знала, где Иву держат; Рен говорит мне всю правду».

— Вы и меня занесли в свою опись? — спросил он.

— Пока в раздел непроверенных сведений.

— Разумно.

Когда дорога прошла между двух каменных столбов, лошадь вдруг остановилась. Между столбами было не больше трёх шагов. Однако Рен спустился, натянул тонкий шнур между железными скобами и показал мне метки. Шнур вытянулся почти вдвое, хотя оба столба стояли на месте. Воздух между ними побелел, как стекло после морозного дыхания.

— Аномалия? — спросила я.

— Отголосок. До настоящей ночи ещё далеко.

Он не попытался пройти напрямик. Повернул повозку к боковой тропе, где расстояние оставалось обычным. Я смотрела на натянутый шнур и впервые поняла, почему люди соглашались работать на защитных постах. А затем — как удобно этим согласием можно оправдать всё, что последует.

Кадерн открылся к вечеру. Семь мостов соединяли склоны ущелья, над мостами проходили тяги с медными противовесами. На северном уступе возвышалось старое учебное здание, которое жители по привычке называли академией. Под ним тянулся тёмный внешний пояс; на каждом его участке горела одна сигнальная лампа. У третьей свет был заметно слабее.

— Там работает ваша сестра? — спросила я прежде, чем успела остановиться.

Рен смотрел не на лампы, а на мост.

— Я знаю, что её имя встречалось в служебных документах, — сказал он. — Я не имею права выдавать вам догадку за ответ.

У ворот висела доска прибывших мастеров. Напротив моей фамилии значился чужой номер распоряжения — тот самый, что я скопировала из хозяйственного журнала Тесс.

Я остановилась перед доской. Поддельное обращение и испорченная ведомость сошлись в одном месте.

— Я пришла сюда не на испытание, — сказала я. — Я пришла выяснить, кто подписывается моим именем.

Рен придержал дверь, оставив мне место пройти первой.

— Тогда начните с того, кто выдаёт пропуска. И сохраняйте каждую копию.

Глава 2. Два журнала

В Кадерн въезжали по мосту, на котором нельзя было ни бежать, ни останавливаться без причины. По обе стороны шли перила с натянутыми медными струнами. У каждой — собственная метка длины. Я машинально пересчитала отметки и поняла, что их здесь больше, чем позволяет расстояние между опорами.

— Как люди замечают начало изменения? — спросила я Рена.

— По струнам. Если они разом меняют тон, мост уже не тот. Если меняется только одна — ищем оборванное крепление, не магию.

У входной будки сидел служащий с двумя журналами: в одном были фамилии, в другом — количество людей и вещей. Разделять эти записи я сочла разумным. При перевозке книг мы делали то же самое: если накладную переписывали, число ящиков всё равно оставалось в другом учёте.

— Основание прибытия, — потребовал служащий.

Рен передал ему письмо. Тот перевёл взгляд на доску, найденную мной у ворот, и нахмурился.

— Эйра Норр уже отмечена как прибывшая вчера. Кандидат на временный перевод. Без права на самостоятельный осмотр.

— Я была дома, — сказала я.

— Так записано.

— А вот это моя запись о выезде, — я положила рядом билет с сегодняшней датой. — И квитанция на смену лошади. Вчера меня здесь не было.

Служащий осмотрел бумаги и задумчиво поскрёб большим пальцем строку. Под ногтем осталась зелёная пыль. Я увидела на поверхности листа шероховатое пятно: верхний слой бумаги был снят и обработан составом, каким дешёвые переплётчики стирали ошибочные номера.

— Вы правили запись сегодня? — спросила я.

— Я ставлю отметки, а не правлю записи.

— Тогда пригласите человека, который правит. Бумага ещё не выровнялась после раствора.

Рен положил рядом железную карточку хранителя.

— Внесите фактическое прибытие во второй журнал. Один человек, один дорожный сундук, одна папка. Свидетели — я и служащий заставы.

— Старший учёта не разрешит расхождение.

— Тогда он письменно откажет в регистрации. С подписью и временем.

Служащий словно впервые услышал, что отказ тоже должен оставлять след. В конце концов он вписал нас в количественный журнал и отдал мне отрывную квитанцию.

— Что будет с первым списком? — спросила я.

— Опечатаем до осмотра, — ответил Рен. — Если успеем до смены дежурных.

— «Если» — не очень обнадёживающее слово от хранителя.

— Зато честное.

За воротами шумел обычный город: тележки, продавцы свечей, лавки с супом, люди в форме ремонтных бригад. На козырьках мостовых будок были нарисованы узлы пояса, а не гербы. Двое мастеров спорили о наклоне шкива. Женщина в синем переднике считала ведра с песком. Никто не выглядел так, будто живёт внутри большой тайны. Иногда именно так и выглядит чужая опасная работа: вокруг неё есть рынок, дети и очередь за горячим хлебом.

— Что это за академия? — спросила я, когда мы прошли мимо корпуса с высокими окнами.

— Старое название учебно-ремонтной службы. Здесь готовят архивных экспертов, чертёжников и операторов внешнего пояса. Кафедр волшебства нет.

— А экзамены есть?

— К сожалению для всех, кто их сдаёт.

На ступенях корпуса нас остановила девушка с пачкой карточек. Волосы были собраны небрежно, а на манжете виднелось чернильное пятно, аккуратно обведённое карандашом.

— Рен, тебе удалось найти её? — спросила девушка.

— Эйра Норр. Это Нора Лесс, работает в учебной канцелярии и знает о ней больше, чем ей обычно рассказывают.

— Потому что кто-то должен проверять, куда исчезают заявки, — сказала Нора и протянула мне руку.

Пальцы у неё были холодные и крепкие.

— У вас талант по повреждённым переплётам? — спросила она.

— По швам, которые чинят, чтобы не заметили подмены.

Нора взглянула на Рена. Он едва заметно кивнул.

— Тогда мне тоже понадобится ваш талант. У нас за прошлую неделю переписали ведомость практикантов. Человек остался на ночном наряде, но его имя исчезло из сменного списка.

— Вы знаете, как его зовут?

— Знаю, — коротко ответила она. — Но не стану называть до того, как выясним, кто его перевёл. У него есть младший брат. Не хочу, чтобы к семье пришли с очередным «уточнением».

Мне понравилось, что она сказала «не стану», а не «не могу». В Кадерне, судя по всему, разница между этими словами имела значение.

Мы пошли к входу с семью дверями. Над ними висели простые медные таблички: «Приём», «Хозяйство», «Чертежи», «Опись», «Свидетели», «Переплёт», «Отказы». Последняя дверь была зелёной, краска на ней истёрлась возле ручки. Мне захотелось узнать, сколько людей приходило туда и сколько получало ответ.

Нора увела нас в приёмную. Её стол занимали три стеллажа и один стул, который, кажется, собрали из деталей двух разных моделей. Она достала из ящика коробку с формами допуска и придвинула мне чистый лист.

— У вас временная работа с архивом, — объяснила она. — Для доступа к подлинным описям нужен экзамен по происхождению документа и протоколам согласия. Завтра утром. Если сдадите, получите право смотреть спорные записи вместе со свидетелем.

— А если не сдам?

— Подадите на повторную проверку. Мы не отдаём людям право исправлять чужую жизнь только потому, что они красиво пишут букву «Н».

Я села. На столе лежала маленькая линейка с семью разными насечками. Рядом — снимок сломанного ролика защитного пояса. Я попыталась сопоставить размеры и увидела, что расстояние между первыми двумя креплениями на снимке не совпадает с чертежом.

— Фотография снята во время Белого отклика? — спросила я.

Нора перестала перелистывать карточки.

— Почему вы решили?

— Обе опоры целы, а пролёт между ними кажется больше расчётного. Если снимок не искажён, значит, расстояние менялось.

— Не каждое несовпадение — аномалия, — ответила она. — Иногда чертёж плохой. Иногда фотографию пересняли под углом. Если будете работать с нами, придётся доказать, какое объяснение верное.

— Прекрасно. Я как раз не люблю выдавать предположения за факты.

Нора чуть улыбнулась. Я подумала, что, возможно, мы найдём общий язык. Потом вспомнила её осторожность насчёт практиканта и не стала торопиться с выводом.

Рен провёл меня в комнату северного общежития. Там стояли две кровати, два стола, маленький шкаф и чайник с медным рычажком. На подоконнике лежала записка: «С закрытым окном вскипит с первого раза. С открытым — не обещаю. Н. Л.»

— Нора живёт здесь? — удивилась я.

— Пока не получила отдельную мастерскую. Теперь у вас будет возможность спорить без свидетелей.

Я развернула синюю тарелку на столе. Рен подошёл ближе, но не протянул руки.

— Это Ивина, — сказала я. — Она царапала своё имя иголкой до глазурования. Мне тогда было лет девять. Она решила, что подписи должны пережить любые переезды.

— И была права, — тихо сказал он.

— Вы говорили, что встречали её имя в документах. Где именно?

Рен остановил взгляд на сколе.

— В списке сотрудников, которых переводили с внешних постов во внутренние. Два года назад. Но с той частью архива нельзя работать без разрешения.

— Почему вы не сказали это сразу?

— Меня обязали не разглашать закрытые сведения. И я согласился на эти условия.

— А теперь?

— Теперь говорю вам то, что могу подтвердить законным документом. Этого мало. Я понимаю.

Его спокойствие меня разозлило сильнее оправданий.

— Согласие с условиями — тоже выбор, господин Элдар.

— Да, — ответил он. — И он не отменяет последствий.

Когда Рен ушёл, я закрыла дверь и долго стояла возле окна. Сверху доносился гул зубчатых передач: на крыше проходил сигнальный вал. Каждые полчаса он отсчитывал не время, а натяжение тросов внешнего пояса. Я насчитала семь слабых ударов и записала их в тетрадь.

Через несколько минут вернулась Нора, несущая кипу мокрых от дождя ведомостей. Она увидела тарелку и остановилась.

— Вы правда привезли посуду через перевал?

— Только одну. Кастрюлю пришлось оставить.

Нора рассмеялась, затем провела пальцем по рисунку у скола.

— Я вчера видела копию надписи «И. Н.» в старой книге невручённых отправлений. Не уверена, что это связано с вами.

— Проверим?

— Сначала сдайте экзамен. И ещё одно. Сегодня у ворот появился человек, который хотел заменить ваш входной лист до утренней сверки. Я попросила сохранить его личный номер.

— Имя известно?

— Да. Но сначала проверим, действительно ли он работал по распоряжению. Иначе мы обвиним человека вместо системы, которая дала ему приказ.

Я подвинула к ней пустой стул.

— Давай начнём с того, что у нас есть.

Мы разложили на столе билет, фальшивое обращение, копию ведомости и запись из количественного журнала. Нора придвинула чернильницу. Через окно слышался не сказочный звон, а медленный сухой стук механизма, который удерживал слишком большой город.

Глава 3. Экзамен на остановку

Утром Нора объявила, что чайник — лучшая проверка характера кандидата.

— Если ты начнёшь требовать, чтобы он заработал по приказу, — сказала она, стягивая волосы в пучок, — провалишься ещё до завтрака.

Я закрыла окно, повернула рычажок, и вода зашумела.

— Он реагирует на сквозняк?

— На тягу, — ответила Нора. — В трубке стоит простой клапан, который не откроется при перепаде давления. У инженеров всегда скучное объяснение. К счастью, скучное иногда спасает жизнь.

Мы дошли до мастерских прежде, чем по верхним мостам пошли тележки с инструментами. Дождь закончился, но над ущельем по-прежнему висела беловатая дымка. В ней тонкие тросы казались нарисованными на воздухе: линии соединяли места, которые иногда переставали совпадать с расстояниями на земле.

Экзамен проводила мастер Севра. Она была невысокой, уставшей и настолько точной в движениях, что положила карандаш на стол параллельно линейке, хотя никто не проверял её собственную работу.

— Архивист, который не умеет читать нагрузку, — сказала она, когда мы заняли места, — способен причинить столько же вреда, сколько мастер, забывший записать допуск. Поэтому сегодня вы будете работать с одним документом и одним маленьким устройством.

На столах стояли модели защитного поста: два ролика, медная полоса между ними и три рычага. Перед каждой моделью лежал пакет из четырёх листов. На верхнем было напечатано: «Передача дежурства на семь часов».

— Вам нужно определить, при каких условиях может начаться смена, кто отвечает за состояние устройства и как человек вправе её прервать, — объяснила Севра. — Сначала проверяете бумагу, потом механизм. Никогда наоборот.

Я раскрыла пакет. Первый лист содержал схему. Второй — запись прошлого испытания, выполненную чужим почерком. На третьем было указано согласие оператора. Четвёртый оказался пустым, кроме строки «Основание отказа».

В схеме не совпадали две длины. На испытательном акте стояла дата на три дня позже, чем на согласии. А ниже мелким шрифтом было напечатано: «Обязан оставаться до прибытия смены независимо от обстоятельств».

Я перечитала эту строку дважды.

— Госпожа Севра, — спросила я, — человек может остановить работу, если ему больно или страшно?

— Вы сдаёте экзамен, госпожа Норр. Ответ должны найти сами.

Я подняла крышку модели и увидела, что запасной ролик отсутствует. Механизм можно было запустить, но нельзя было безопасно отключить без передачи нагрузки на соседний пост.

Нора работала за соседним столом как наблюдатель. Я попросила её подержать ведомость, чтобы сверить даты.

— Согласна, если пойму, что должна делать, — ответила она.

— Ты будешь свидетелем чтения двух листов. Не отвечаешь за исправность устройства и можешь отказаться до завершения.

— Теперь согласна.

Мы сравнили подписи. На листе согласия стояла фамилия работника, но не было времени внесения. В акте испытания отсутствовала фамилия мастера, принимавшего смену. Я записала оба расхождения в протокол.

Часы над дверью показывали, что до конца экзамена осталось меньше десяти минут. За соседними столами кандидаты уже крутили рычаги. Их модели тихо звенели, некоторые останавливались с неприятным скрежетом.

— Вы не собираетесь запускать стенд? — спросила Севра.

— Пока нет. Нет запасного ролика, а передача нагрузки запрещена без проверки. Я могу описать неполадки и предложить новое испытание.

— Значит, вы отказываетесь выполнить задание?

— Отказываюсь рисковать человеком, даже если он сейчас обозначен деревянной фигуркой. Испытание того и требует, чтобы мы заметили условия, при которых работу нельзя начинать.

Севра взяла мой протокол и прочла его до последней строки.

— В задании нет прямого указания найти неисправность, — сказала она.

— Но и разрешения игнорировать её нет.

В аудитории стало тихо.

Севра повернула к остальным мою модель и подняла крышку, показывая пустое место под запасной ролик.

— Правильная остановка, — произнесла она. — Устройства, с которыми вы работаете, не обязаны быть исправны потому, что находятся на экзамене.

Я выдохнула. Однако на полях протокола она поставила не зачёт, а маленький знак повторной проверки.

— Почему? — спросила я.

— Вы правильно остановили работу, но в начале написали, что показания второго журнала подтверждают неисправность. Они подтверждают только расхождение дат. О техническом отказе свидетельствует осмотр модели. Разделите источники и придите завтра за окончательной отметкой.

Было досадно. Не из-за повторного экзамена — из-за того, что мне указали на настоящую ошибку. Я понимала, как легко превратить один верный вывод в цепочку поспешных утверждений.

Когда остальные ушли, я осталась возле стены с хартией Кадерна. Она висела под стеклом; по нижнему краю шёл ряд седьмых и шестых пунктов, выровненных так, чтобы случайный читатель не заметил несоответствия. Нумерация перескакивала через два пункта. В переплётной мастерской такое случалось, когда текст набирали заново по чужой разметке и затем торопливо закрывали пустое место орнаментом.

Я попросила разрешения осмотреть рамку. Севра позволила, но предупредила, что снимать стекло нельзя.

На обороте крепления сохранились следы старых винтов. Под новым винтом выглядывал узкий обрезок бумаги с печатной цифрой «5». Документ не переписали целиком: поверх исходной хартии поставили сокращённую редакцию.

— Где хранятся протоколы изменений? — спросила я.

— В правовой комнате, — ответила Севра, не скрывая настороженности. — Но допуска туда у вас ещё нет.

В дверях появился Рен с папкой под мышкой. Он увидел мой протокол и лишь приподнял бровь.

— Уже успели что-нибудь остановить?

— Да. Неправильно оформленную смену и, вероятно, чей-то способ провести экзамен быстрее.

— Тогда день прошёл не зря.

Мне захотелось улыбнуться, но я вспомнила, как он говорил о согласии, когда признавался в своём молчании об Иве.

— А вы всегда выполняете условие, под которым подписались? — спросила я.

Он не ответил сразу.

— Не всегда, — сказал наконец. — Иногда человек подписывает то, от чего потом должен отказаться. Но отказ не стирает того, что он успел сделать.

Мы стояли возле хартии, когда вошла ректор Ильза Вейр. Седые волосы были собраны в простой узел, на рукавах не было никаких знаков власти. За ней шёл помощник с папкой проверочных листов.

— Новая архивистка, — сказала она, прочитав мою фамилию на карточке. — Говорят, вы обнаружили недостаток в экзаменационном стенде.

— Я обнаружила, что его нельзя безопасно запускать.

— Это и называется недостатком, если люди не хотят пользоваться простыми словами.

Она внимательно посмотрела на стенд, затем на мои записи. Она задала следующий вопрос по моим расчётам, а не по заранее заготовленному списку. Это помогло собраться.

— Мне говорили, вы работали с семейными архивами, — продолжила Ильза. — И нашли изменение в одной ведомости.

— Кто-то заменил лист с записью о моей семье. Мне нужно знать, кто это приказал.

Улыбка ректора не исчезла, но стала неподвижной.

— Изменения бывают необходимы. Семьи переезжают, фамилии меняются, люди предпочитают не объяснять причины.

— Тогда кто подписал изменение? — спросила я. — И где первоначальная запись?

— Вы задаёте правильные вопросы не в том порядке, госпожа Норр.

— Может быть, потому что мне не выдают документы в правильном порядке.

Рен чуть повернул голову. Он ничего не сказал. От этого молчания мне было легче, чем от любой попытки вступиться за меня.

Ильза подошла к хартии. Я заметила, что она не смотрит на сокращённый текст — её взгляд остановился на новом винте у нижнего края рамки.

— Совет уже объяснял расхождения в публичных копиях, — сказала ректор. — Официальный ответ вам предоставят после прохождения допуска.

— Ответ о моей сестре тоже зависит от допуска?

— Он зависит от того, на каком основании вы уверены, что она работала здесь.

— На основании вашего собственноручно подписанного уведомления о продлении её службы, — ответила я. — Оно пришло два года назад. Могу принести копию.

Ректор отвела глаза.

— Принесите, — сказала она. — И не отдавайте оригинал без расписки.

Когда она ушла, я долго смотрела на закрывшуюся дверь. Даже человек, причастный к неверной записи, мог произнести правильный совет. Это не превращало его в союзника.

Рен придвинул мою папку ближе.

— Ищите не фразу, которую убрали из хартии, — тихо сказал он. — Ищите людей, под чьими подписями вступила в силу новая редакция.

— Вы знаете эти имена?

— Некоторые. Но если просто назову их, вы не узнаете, кто принимал решение, а кто исполнял приказ. У меня нет права решать это за вас.

— Это удобная причина ничего не сообщать.

— Да, — согласился он после паузы. — Иногда я выбираю удобную причину.

Я не ожидала признания и потому не нашла ответа.

Нора догнала меня в коридоре, придерживая двумя пальцами край переполненной папки.

— Я нашла страницу из сменной ведомости, — сказала она. — Там должен быть практикант, о котором я говорила вчера. Его место занято чужой фамилией. Я помню настоящую,

но не стану произносить её здесь. Он ещё может быть жив, и тогда у него должны спросить, хочет ли он, чтобы мы раскрыли его данные.

— Покажешь?

— В комнате возвратов. Там хранят неподписанные письма и отказы от получения. Если кто-то здесь меняет имена, он не всегда успевает уничтожить следы отправлений.

Я вспомнила пустую строчку в нашей похоронной книге, фальшивое заявление, вторую запись у ворот и сокращённую хартию. Все они говорили об одном: исчезновения чернил недостаточно, чтобы исчез человек. Но если вовремя закрывать людям доступ к документам, молчание начинает выглядеть как правда.

— Тогда пойдём, — сказала я. — Только сначала зафиксируем, что у нас нет его разрешения.

Нора внимательно посмотрела на меня, потом кивнула.

— Вот теперь я готова показать тебе, где у нас хранятся отказы.

Глава 4. Комната неверных адресов

Нора привела меня к зелёной двери после обеда. До этого она успела трижды передумать и один раз потребовать от меня обещания не разглашать имя практиканта.

— Я его ещё не знаю, — напомнила я.

— Тем более удобно обещать.

— Не обещаю хранить тайну, которая может поставить кого-то под угрозу. Обещаю не публиковать его сведения без необходимости и не использовать их для давления.

— Ты ужасный человек для простых договорённостей, — сказала Нора.

— Наоборот. Я их записываю.

Она покосилась на мою тетрадь, но спорить не стала.

Нора рассказала, что практиканта звали Мирон. В мастерской он старательно портил резаки, любил сушёные груши и подписывал бумагу не с края, а посередине, оставляя слишком широкие поля. Три дня назад его перевели из учебной смены на закрытую работу. В журнале перевод стоял задним числом; на семейный адрес ушло уведомление с чужой печатью. Имени Мирона Нора не забывала. Она избегала произносить его при служащих, потому что знала, как быстро после таких разговоров появляются люди с вопросами к семье.

— А может, Мирон и правда согласился? — спросила я.

— Может. Только подписавший перевод работал в тот день на другом мосту. Я проверила его дежурство.

Это было уже больше, чем слух.

За дверью «Отказы» пахло песком для просушки чернил, мокрой шерстью и старой бумагой. У стены стояли семь стеллажей с ящиками. На некоторых были адреса, на других — только даты. Под потолком тянулся узкий сигнальный провод, и я подумала, что в этом городе даже письма, похоже, зависели от состояния тросов.

Служащая за столом оказалась небольшого роста женщиной со связкой ключей на поясе. Она поздоровалась с Норой так, как приветствуют человека, который слишком часто возвращается с новой проблемой.

— Опять о брате?

— Нет, госпожа Мара. На этот раз о чужой сестре.

Я подала заявление. В графе «основание» написала: «Ива Норр, двадцать шесть лет, предполагаемый адресат невручённых сообщений. Родство подтверждается домашними документами, требуют сверки записи о переводе на работу в Кадерн».

Мара прочла и поправила очки.

— В таких делах слово «предполагаемый» обычно спасает больше людей, чем торжественное «несомненно». Что вам нужно?

— Опись возвратов по фамилии Норр за последние два года. Без выдачи личных писем.

— Опись можно. Письма — после удостоверения права доступа или согласия адресата.

Она положила перед нами тяжёлый журнал. Мы с Норой работали молча. В сентябрьском разделе двухлетней давности я заметила сбитую нумерацию. После номера семьдесят второго шёл семьдесят четвёртый, а графа доставки между ними была затёрта так аккуратно, что светлая полоса казалась частью бумаги.

— Этот номер можно проверить по количественному журналу? — спросила я.

Мара вздохнула, но достала вторую тетрадь. Там все отправления были учтены по весу и сумме оплаты. Семьдесят третье не исчезло. Оно было возвращено отправителю, хотя поле фамилии получателя осталось пустым.

— Что лежало в пакете? — спросила Нора.

— Приложение к письму. Предмет личного пользования. В журнале написано «И. Н.». Иначе бы мы даже не имели права искать по вашей фамилии.

— Я хочу осмотреть предмет при свидетеле, — сказала я. — Не забрать, не проверить на магию. Просто сравнить с домашними вещами.

Мара развела руками.

— Только через хранителя. И с отдельной отметкой о состоянии упаковки.

Пришлось ждать. Окно за решёткой постепенно серело, со двора донёсся звук падающего ведра, затем смех двух рабочих. Я смотрела на след подчистки в журнале. Человек, который хотел стереть строку, должен был стоять именно здесь, у этого стола. Он потратил время на бумагу, проверил, чтобы не осталось имени, и не стал трогать соседнюю тетрадь. Подлог был не всесильным. Он был человеческим, а потому совершался с человеческими ошибками.

Рен пришёл с кипой актов и явно не обрадовался, увидев нас.

— Это моя очередь за отказами или ваша? — спросил он Нору.

— Ваша, если позволите сверить один предмет. Я уже заполнила форму.

Он изучил форму, поправил одну дату и подписал узкое разрешение: осмотр при двух свидетелях, без передачи вещи и без копирования личной переписки.

— Вы опять решили воспользоваться моим правом доступа, — сказал он мне.

— Нет. Я решила воспользоваться процедурой. Ваше присутствие — её неприятная подробность.

— Значит, я здесь по правилам.

— Разве это вас когда-нибудь останавливало?

Он не улыбнулся, но угол рта дрогнул. Я заметила, как быстро убрал он руку в рукав, когда Мара поднесла к нему журнал для подписи. Старый ожог на запястье снова покраснел.

Плоскую коробку внесли из дальнего хранилища. На крышке стояли дата и номер возвращённого отправления. Внутри лежал детский плащ с выцветшей синей подкладкой и старый медный напёрсток. Ткань пахла пылью, а металл — монетами, которые долго держали в ладони.

Я не сразу узнала плащ. Он был слишком маленьким для взрослой Ивы, слишком большим для ребёнка, которого я помнила. Потом увидела штопку на внутреннем шве: две косые петли и маленькую звёздочку из нитки.

— Так чинила моя сестра, — сказала я.

— Не торопись, — предупредила Нора.

— Я не говорю, что это доказательство. Я говорю, что узнаю стежок.

Напёрсток был помят с одной стороны. Внутри, почти на ободке, кто-то выцарапал две линии и звезду. Ива часто помечала инструменты, потому что в нашей мастерской их путали. Я достала из папки рисунок красного шарфа. Две петли совпадали по направлению, но завершающий узел был иной. Я аккуратно записала различие.

— Вы умеете замечать неудобные подробности, — сказал Рен.

— Если их пропустить, они потом становятся гораздо неудобнее.

Мара сверила упаковку с описью и указала на отметку об отправителе. Фамилия была закрыта тёмным прямоугольником: изъятие персональных данных сделали по постановлению службы пояса. Номер постановления, однако, сохранился.

Это был не тот номер, что стоял в семейной ведомости. Но между ними было общим подразделение — канцелярия внутренних постов.

— Почему детский плащ оказался в служебной пересылке? — спросила я.

— Потому что в нашу комнату возвращают не только письма, — ответила Мара. — Возвращают вещи, которые кто-то просил передать через службу, но адресата не допустили к получению.

— И кто не допустил?

— В журнале нет подписи адресата. Значит, вопрос к тому, кто оформил отказ вместо него.

Рен поднял голову. На секунду мне показалось, что он знает фамилию. Он не произнёс её.

— Я могу получить копию номера постановления? — спросила я.

— Да, — сказала Мара. — Номер не принадлежит человеку. Он принадлежит распоряжению.

Я получила копию. Не изъяла плащ, не притронулась к письмам. После осмотра Мара снова завернула вещи, а Нора поставила отметку о целостности упаковки. В первый раз за время поисков мне понравилось, что законное действие требует столько мелочей. Каждая из них оставляла след для следующего человека.

Когда мы вышли во двор, начался мелкий дождь. Рен остался под козырьком и некоторое время смотрел на огни сигнального пояса.

— Вы сказали, что встречали имя Ивы в списке внутренних работников, — напомнила я.

— Да.

— Тогда почему мне приходится доказывать, что она когда-либо существовала здесь?

— Не существование. Вам приходится доказывать, где её удерживают и кто отвечает за это. Разница есть, хотя она не делает поиски легче.

— Удерживают? — повторила я. — Вы впервые употребили это слово.

Он посмотрел на меня, и выражение его лица изменилось. Рен словно сам услышал то, что не собирался говорить вслух.

— Я не должен был говорить без документа.

— Но сказал.

— Да.

— Тогда завтра я запрошу документ.

Нора стояла чуть поодаль и делала вид, что изучает вывеску булочной. Когда Рен ушёл, она подошла ко мне и развернула маленький листок.

— Это из журнала прачечной. Два года назад в северном корпусе выдали взрослой работнице новую форму. В графе роста стоит число, которое могло принадлежать Иве. Фамилия заклеена.

— Ты была в прачечной сегодня?

— Вчера. Мне не хотелось приходить к тебе с одними разговорами.

Я взглянула на неё. В Кадерне первый союзник оказался не тем, кто обещал помощь, а тем, кто принёс ещё один несовершенный документ и не выдавал его за истину.

— Тогда завтра начнём с прачечной, — сказала я.

Нора кивнула, но напомнила:

— Сначала твоя повторная отметка у Севры. Не хочу, чтобы нас остановили на самой первой двери.

Глава 5. Цена яблочного запаха

Пахло печёными яблоками. В обычный день я прошла бы мимо маленькой пекарни на площади, но сегодня запах остановил меня у самых ворот мастерских.

Перед глазами возникла наша старая кухня. Мама сидела у окна и срезала кожуру длинной спиралью. На табурете стояла миска, до которой я дотягивалась только вставая на цыпочки. Ива смеялась, потому что я каждый раз обещала не брать сладкие кусочки и каждый раз нарушала обещание.

Это воспоминание не исчезало и не возвращалось по чьей-то воле. Оно было со мной все эти годы. Просто я редко позволяла себе к нему обращаться. После смерти матери даже запах яблок казался испытанием: память показывала мне живую женщину, а на улице я оставалась с пустым домом.

— Ты побледнела, — сказала Нора.

— Вспомнила кухню.

— Хорошую или плохую?

— До конца не определилась.

Мы шли на повторную проверку к Севре. Я принесла протокол вчерашнего испытания с исправленными ссылками на доказательства. В новой редакции было сказано: «Отсутствие запасного ролика подтверждено непосредственным осмотром. Несовпадение дат в бумагах свидетельствует о нарушении учёта и само по себе не доказывает неисправности». Севра прочитала, поставила зачёт и сказала, что лучше увидеть скучную точность, чем блестящую катастрофу.

Теперь у меня имелось ограниченное право на копии архивных описей, которые могли относиться к моей работе. Это не давало права забирать вещи и тем более распоряжаться судьбой людей, но открывало дверь к документам двухлетней давности.

За утро мы с Норой успели найти три разных варианта одного распоряжения о переводе работников во внутренний пояс. В одном срок стоял «три ночи». Во втором — «до окончания первого сезона». В третьем не было срока вовсе. Все три документа имели один исходящий номер, хотя подписи под ними различались.

— Какой настоящий? — спросила я.

— Пока ни один не может считаться доказанным, — ответила Нора. — Надо поднять журнал выдачи копий и оригинал. И спросить людей, которые подписывали.

На первом варианте в графе участников значились инициалы «И. Н.». Я проследила пальцем по строчке. Сердце забилось так сильно, что стало трудно читать остальные фамилии. Ива могла согласиться на три ночи. Я знала её: она первой вызывалась помочь соседям после грозы и первой же сердито отказывалась, когда помощь превращали в обязанность на всю жизнь.

— Не смотри на меня так, — сказала Нора.

— Как?

— Будто я уже принесла твою сестру домой. Это ещё документ, не человек.

Я отвернулась к окну. Она была права, и поэтому мне стало обидно.

На выходе нас остановила Мара из комнаты возвратов. В руках у неё была копия ведомости на коробку с плащом.

— Вы спрашивали, кто оформил отказ от получения, — сказала она. — Нашла отметку в книге внешних выдач. Подпись не расшифрована, но штамп принадлежит службе внутренних постов. Внизу есть фраза, которую прежний регистратор не перенёс в основной журнал.

Она показала мне строку: «Отказ адресата не получен. Доставку остановить до установления местонахождения».

— То есть никто не утверждал, что Ива отказалась? — спросила я.

— Так написано в копии. Этого достаточно, чтобы запросить дело о приостановке, но недостаточно, чтобы обвинить подписанта в подделке.

Я поблагодарила Мару. Нора протянула ей карандаш: тот, которым мы вчера помечали несовпадения. Мара покрутила его в пальцах и вернула.

— Ваш карандаш слишком хороший для моего стола. Берегите его для документов, которые вам ещё не показали.

В середине дня пришёл Рен. Он был в простом тёмном свитере, без служебной карточки на виду, и казался моложе, чем при нашей первой встрече. За ним по коридору тянуло холодом. На плечах ещё сохранилась белая каменная пыль.

— На западном участке снова изменилось расстояние, — сказал он Норе. — Дала просила схемы старой резервной рамы. Ты сможешь их достать?

— По распоряжению мастерской, да. Но не раньше вечера.

Я заметила, что Рен придерживает правую руку ближе к телу.

— Вам больно?

— Немного.

— На перевале вы тоже так делали.

— На перевале я боялся, что нас задержит отклик.

— А теперь?

Он посмотрел на меня. У него была неприятная привычка отвечать не сразу, будто перед каждым словом проверял его на прочность.

— Теперь боюсь, что вы прочитаете в бумагах больше, чем я готов объяснить.

Я не знала, что сказать. И обнаружила, что хочу не победить в этом разговоре, а услышать, почему он боится.

Вечером Нора уехала по поручению Далы, а я осталась в маленькой мастерской с коробкой из комнаты возвратов. Мара разрешила повторный осмотр напёрстка на том условии, что я не буду вытаскивать его за пределы комнаты и подпишу каждый этап работы. Рен присутствовал как хранитель. За соседней стеной стучали деревянные молотки; кто-то чинил ящики перед предстоящей бурей.

Сначала я зарисовала насечки внутри напёрстка. Затем взяла тонкую ткань, повторила шов, увиденный на плаще, и сравнила его с копией штопки красного шарфа. Два движения совпали почти точно. Третье отличалось — там, где я прежде делала один короткий стежок, мастер разворачивал нить назад.

И в этот момент я вспомнила Ивины руки.

Она сидела рядом со мной на кухне, придерживая красный шарф двумя пальцами. Нам было столько лет, что я ещё стеснялась показать ей неровную строчку. Ива распутала мою работу, не сказав ни одного злого слова. «Найди одну петельку, Эй, — говорила она. — Не дёргай весь узел сразу». На правом большом пальце у неё белел тонкий шрам от иглы.

Я знала эту сцену. Она случилась задолго до отъезда Ивы, просто именно сейчас нашла своё место среди остальных воспоминаний. Странно было понять, как много я сохранила, хотя два года делала вид, что мне всё равно, где она.

— Что случилось? — спросил Рен.

— Я вспомнила, как она учила меня штопать шарф.

— Это помогает опознать шов?

— Помогает объяснить, почему мне кажется знакомым движение руки. Но само по себе не доказывает, что именно Ива зашивала плащ.

Рен чуть кивнул.

— Впервые слышу, чтобы человек так упрямо спорил против собственной надежды.

— Надежда — плохой свидетель. Иногда прекрасный повод искать.

Он приблизился к столу, осторожно, будто боялся потревожить лежащий между нами предмет.

— Я видел много людей, готовых поверить любому ответу, если он обещает вернуть им близкого. Ваше право не торопиться с выводом сейчас важнее, чем кажется.

— Вы говорите так, будто не хотите, чтобы я нашла Иву.

— Хочу, — ответил он. — Но если вы откроете внутренний проход, не понимая, на чём держится западный склон, погибнут люди, которые никогда не слышали вашей фамилии.

Я смотрела на него. До сих пор он скрывался за формулами, разрешениями и словом «обязательство». Теперь впервые назвал опасность прямо. Не как оправдание чужого плена, а как технический факт, который нужно проверить.

— Значит, вы знаете, где она? — спросила я.

Он не ответил.

— Рен.

— Я знаю больше, чем имею право говорить по договору, который подписал. И это моя ответственность. Если вы хотите считать меня виноватым в молчании, у вас есть основания.

Я почувствовала, как внутри поднимается злость. Не быстрая и громкая, а тяжёлая, как мокрая ткань. Он мог бы сказать это раньше. Он мог бы хотя бы не изображать, что между нами только недостающие бумажки.

— Я не стану благодарить вас за признание, — сказала я.

— Не прошу.

Я закрыла коробку, приложила печать хранения и положила перед ним опись. Он расписался. Наши пальцы встретились на краю бумаги — на одно короткое мгновение, слишком малое для обещания и слишком заметное, чтобы его не почувствовать.

На улице пахло печёными яблоками. Я вышла из мастерской с копией трёх вариантов распоряжения и неснятым вопросом о матери.

Мама утверждала, что Ива сама решила не писать. Может быть, хотела защитить меня от беспомощного ожидания. Может быть, ей передали ложные сведения, которые она приняла за правду. А может быть, сама боялась признать, что не смогла помочь старшей дочери. Я не знала.

В памяти по-прежнему звучала её песня, но теперь я впервые расслышала в ней не только доброту. Мне хотелось спросить у живой мамы, почему мы перестали говорить об Иве. Такой возможности больше не существовало.

Я остановилась возле яблочной лавки и купила две маленькие булочки. Одна досталась Норе, когда та вернулась вечером с чертежами. Вторую я положила у себя на столе, рядом с синей тарелкой.

Не для отсутствующего человека и не как обряд. Просто затем, чтобы завтра снова сесть, поесть и продолжить работу — даже если я всё ещё не знаю, кому в этом городе можно доверять.

Глава 6. Ученик без перевода

Наутро запах яблок ещё держался на рукаве моего платья. Я вспомнила, как Ива в детстве крала с противня горячие ломтики, и поймала себя на странном желании отнести ей завтрак. В Кадерне привычка думать о сестре как о живой соседствовала со страхом: я до сих пор не знала, где она и может ли уйти оттуда сама.

Первым в тетрадь я записала не воспоминание, а вопрос: «Кто и когда изменил ведомость Ивы?» Вторым — номера двух документов, которые уже успела сверить. Третьим — обещание не называть ни одного человека пропавшим, пока у меня есть только исправленная строка.

Нора прочла последнюю строку через моё плечо.

— Клятва на неопределённый срок, — заметила она. — Такую госпожа Севра не утвердит.

— Это не печать. Это запись для себя.

— Тогда уточни: «пока не получу независимое свидетельство». Иначе в следующий раз ты объявишь собственную догадку доказательством.

Я вычеркнула окончание и исправила. Нора подложила под лист копирку: после истории с семейной ведомостью мы обе предпочитали хранить второй экземпляр.

Пока я завтракала, Нора разложила на столе три листа: рисунок незнакомого сокурсника, копию страницы из мастерской и расписание дежурств. Третий стол у окна действительно пустовал. Под шаткой ножкой лежали четыре сложенные квитанции. На двух сохранилась частичная подпись — длинная петля, короткая вертикальная черта и росчерк, который можно было принять за любое имя.

— Я нашла это сегодня, — сказала Нора. — Под столом. Сама не знаю, почему не заглянула раньше.

— Потому что обычно никто не проверяет, почему сокурсник перестал приходить на занятия, а его стол велели не трогать.

— И потому что мы надеялись, будто он просто заболел.

Мы отправились в мастерскую до начала занятий. Севра была занята приёмом студентов на повторное испытание; поэтому у нас оставалось двадцать минут, пока учётные столы стояли открытыми. Нора сверяла квитанции с номерными книгами. Я осматривала папки, выданные ученикам в последние две недели. В каждой были сведения о дежурствах и подпись сотрудника, принявшего работу.

На нужной странице среди чернил остался пропущенный прямоугольник. Не выскобленный и не облитый кислотой: словно писарь аккуратно перенёс имя в другое место и забыл закрыть дыру в нумерации.

— Вот, — сказала я. — Пятая работа выполнена. Штамп есть. Имени нет. Шестая тоже выполнена, но той же рукой.

— Откуда знаешь?

— Посмотри на верхний узел буквы «р». Писарь всегда заворачивает его назад. Рисовать так неудобно, если не привык.

Нора поднесла записи к окну. В пятой строке чернила были бледнее, чем рядом.

— Здесь выводили чернила раствором, — сказала она. — Потом писали поверх. Видишь блеск в углу? Старый штрих остался в волокнах. Так подгоняют временную книгу под новый приказ, а потом ссылаются на эту же книгу, будто она и есть приказ.

— И поэтому у тебя нет его фамилии в списке, хотя ты помнишь, где он сидел?

— Да. Я не забыла его. Я боялась записать фамилию рядом со своей: после исчезновения его карточки ко мне уже приходили с вопросами. Но сейчас у нас есть и другие следы.

Мы нашли дату исправления: три дня назад. Рядом стоял знак перевода на особое дежурство и подпись руководителя счётной службы, которую я ещё не знала. Ни печати об окончательном исключении, ни записи о Переписи не было.

— Значит, перевод не оформлен, а задания продолжают числиться выполненными, — сказала я.

Нора кивнула. Напряжение на её лице сменилось осторожной надеждой.

Мы начали искать дежурство. В коридоре нам ответили, что северные посты закрыты для учеников. В канцелярии заявили, что дополнительных работников не назначали. В журнале больничных не оказалось ни одного похожего описания. Тогда Нора попросила посмотреть ведомости выдачи сухого пайка для ночных смен.

— Зачем тебе еда? — спросила я.

— Потому что любой человек может исчезнуть из расписания, но не перестаёт есть. Сухие груши в Кадерне выдают только на дальних постах. Все остальные предпочитают булки.

Ведомость оказалась под замком; зато кладовщик не возражал против обычного вопроса. Выдавал ли он на этой неделе кому-нибудь двойную порцию груш? Да, одному парню из северной счётной. Тот каждый раз благодарил и просил ещё пакет для девчонки, которая жила у него дома. Имени кладовщик не помнил, но прекрасно помнил, что парень уронил на пол миску, когда ему показали новую карточку дежурства.

— Северная счётная, — повторила Нора. — Там должны работать только штатные служащие.

— Может быть, он уже штатный, — сказала я.

— Тогда кто его нанял, если никто не оформлял перевод?

Мы поднялись к северной башне по лестнице, где из-за сырости каждый третий шаг скрипел громче остальных. За окнами висели обрывки облаков; каменные уступы были так близко, что казалось, можно коснуться рукой противоположного склона. Перед входом в счётную висела табличка: «Допуск только по поручению хранителя».

— У нас нет поручения, — сказала я.

— Зато есть заявление, — ответила Нора и постучала.

Дверь открыл мужчина с седыми бровями. Он выслушал просьбу проверить перевод ученика и потребовал имя.

Нора взглянула на свой рисунок. Лицо мужчины стало скучающим: ещё один академический спор о форме записи, не стоящий его времени.

— Мы знаем дату, рабочий стол и образец подписи, — сказала я. — Если человека перевели без уведомления, это нарушение правил хранения личного дела. Мы вправе установить, где он сейчас и согласен ли с переводом.

— Без имени запрос не рассматривается.

— Тогда примите запрос о нарушении нумерации. На него имя не требуется.

Он покачал головой, но впустил нас в приёмную, вероятно рассчитывая быстро избавиться от двух настырных учениц. Нора заполнила форму так тщательно, что это само по себе было маленькой местью. Пока служащий искал журнал входящих, я заметила за решётчатым окном соседней комнаты знакомую вещь: сложенную бумагу под ножкой стола.

— Третий от окна, — шепнула я.

Но здесь было только два стола, а человек за дальним работал стоя. Он двигался медленно, словно боялся порвать страницу. На правом манжете расползалось тёмное пятно чернил.

Нора увидела его одновременно со мной.

— Это он, — сказала она и сразу закрыла рот, испугавшись собственной уверенности.

Парень поднял голову. Он был моложе нас, с резкими скулами и руками, исполосованными мелкими порезами. Увидев Нору, он шагнул к окну, но остановился, заметив служащего.

— Нора? — произнёс он негромко. — Тебе нельзя сюда.

Её лицо изменилось. Она наконец увидела живое подтверждение того, что не зря цеплялась за мелочи.

— Мы ищем человека из мастерской ведомостей, — ответила она. — Скажи, пожалуйста, как тебя зовут. Сам. Не по карточке.

Парень взглянул на служащего. Тот резко захлопнул журнал.

— На посту нельзя отвлекать работников.

— Я не отвлекаю, — сказала Нора. — Я спрашиваю, кто здесь работает. Это не секретные сведения.

Парень расправил плечи.

— Меня зовут Мирон Фель. Я учился у Севры. Три дня назад меня перевели сюда без права покидать пост до переоформления. Я не подписывал перевод. Я подписал только получение новой карточки.

Нора повторила имя негромко и чётко. Затем взглянула на стоявшего рядом служащего и резко замолчала. Только теперь я поняла, почему она боялась назвать Мирона раньше: за каждое произнесённое слово здесь могли потребовать объяснений.

Я достала карандаш и записала: «МИРОН ФЕЛЬ. Лично сообщил имя. Свидетели: Норр, Нора». Показала лист Мирону через решётку; он кивнул. Нора сверила написание и рядом поставила свою подпись.

— Вы можете подтвердить согласие на перевод? — спросила я Мирона.

— Нет. Потому что его не давал.

Служащий встал между нами и окном.

— Прекратить разговор. Это временная мера обеспечения работы северной счётной.

— Временная — значит, у неё есть дата окончания, — сказала Нора. — Где она?

Он сжал журнал и вышел в коридор за старшим.

Мирон подошёл ближе к решётке.

— Слушайте быстро, — прошептал он. — Меня заставили переписать список кандидатов. Там было место для семи подписей, но я видел только шесть. Я спросил про седьмую, и уже вечером мою фамилию зачеркнули в учебном журнале. Наутро меня перевели сюда. Я хотел написать жалобу — мне дали карточку получения работы и велели расписаться. Теперь начальство говорит, будто подпись означает моё согласие на перевод.

— Сохранилась копия? — спросила я.

— Только черновик. Его забрали.

— Кто?

— Счётная служба. Я не знаю, кто отдавал приказ. Мне говорили, что всё делается ради городской защиты.

Мы услышали шаги и отступили от окна. Мирон не стал продолжать, но успел показать два пальца — знак, что у него есть ещё что-то, о чём нельзя говорить при свидетелях. Или просьба прийти вдвоём. Я записала жест, не приписывая ему смысла.

Нас проводили из башни с официальным предупреждением за нарушение порядка. Нора долго шла молча. Возле ступеней она остановилась и развернула лист с показаниями. На бумаге осталась жирная черта от решётки, о которую я случайно опёрлась.

— Я знала его имя с первого дня, — сказала она. — Но когда служащий спросил меня в канцелярии, сделала вид, будто не помню. Я испугалась, Эйра. И ненавижу себя за это.

— То, что ты испугалась, не делает их запись правдивой. Но нам нужны показания тех, кто видел приказ, а не только результат.

— И копия карточки, которую Мирону дали подписать. Иначе они опять скажут, что мы неверно услышали.

Она сложила лист вчетверо и спрятала во внутренний карман. Внезапно я поняла, что её злость похожа на мою не в том, что мы обе кого-то потеряли, а в том, что больше не позволяли другим выбирать, какие потери считать несущественными.

Мы пошли к приёмной ректора. В одиночку я бы, возможно, устроила скандал. Вдвоём у нас получилось заявление: один лист, два свидетеля, факты без предположений и просьба немедленно прекратить неоформленный перевод.

Ильза Вейр приняла нас после полудня. На её столе стояла миска с перевязочными ножницами; рядом лежало письмо от лекаря по поводу вчерашнего ожога в хозяйственном дворе. Ректор прочла наши записи не торопясь, остановилась на имени Мирона и подняла глаза.

— Вы проникли в северную счётную без поручения.

— Мы подали запрос на исправление, — сказала Нора. — Нас впустили в приёмную по распоряжению сотрудника.

— И продолжили беседу через решётку.

— Потому что человек сам попросил нас выслушать.

Ильза положила перо. Долго молчала, а потом осторожно сложила наши бумаги в одну стопку.

— Вы думаете, что защищаете права ученика, — сказала она. — И в обычный день вы были бы правы. Но город готовится к Белой ночи. Иногда временные ограничения избавляют нас от гораздо больших бед.

— Тогда оформите их законно, — ответила Нора. — Дайте Мирону прочитать, что с ним делают. Получите его согласие. Или назовите статью, по которой его можно держать без него.

— Вы слишком молоды, чтобы знать цену одному задержанному решению.

— А он достаточно взрослый, чтобы решать, на какую работу соглашаться, — сказала я.

На лице ректора не появилось гнева. Только усталость человека, которому повторяют неудобную правду после очень длинного рабочего дня.

— Я проверю, кто оформлял перевод, — произнесла она. — До окончания проверки запрещаю вам доступ к северной счётной, журналам временных списков и невыданным жалобам. Все новые обращения направлять через мастера Севру. Нарушите — отстраню от занятий.

— Это наказание за жалобу? — спросила я.

— Это мера защиты. В том числе вашей. Если временные списки подделывают, тот, кто это делает, может попытаться убрать и свидетелей.

— А Мирон?

— Если его удерживают без основания, он вернётся в мастерскую. Если есть основание, вы получите письменный ответ в пределах допуска.

У двери Нора остановилась.

— Госпожа ректор, — сказала она, — когда ошибка касается моего брата, я не жду, пока он станет удобной записью в отчёте. Поэтому и здесь не стану.

Ильза посмотрела на неё удивительно мягко.

— Именно поэтому я не хочу, чтобы вы пострадали, Нора.

Мы вышли с официальным запретом на расследование и копией заявления, которое уже невозможно было уничтожить без следа. Я должна была чувствовать себя побеждённой. Вместо этого ощутила холодную ясность: ректор не отрицала опасности. Она лишь считала, что может распоряжаться ею без нашего согласия.

У лестницы нас ждал Рен. В руках у него не было ни папок, ни железной карточки; он выглядел человеком, который пришёл по собственной воле, без предписания и свидетелей.

— Я слышал про северную счётную, — сказал он.

— У вас прекрасная служба слухов, — ответила я.

— У неё есть единственное достоинство: иногда она предупреждает до того, как поздно.

Нора показала ему копию заявления. Он прочёл, задержал взгляд на подписи Мирона и вернул лист.

— Я не могу отменить распоряжение ректора, — сказал Рен.

— Мы и не просим, — ответила Нора. — Мы просим вас засвидетельствовать, что видели эту копию до любых исправлений.

Он взял карандаш. Тот сломался, едва коснувшись бумаги. Рен нахмурился на грифель, словно раздражённый собой. Я подала ему свой, короткий и сточенный.

— Надёжнее, — сказала я. — Он слишком мал, чтобы давить на него со всей вашей ответственностью.

Рен подписал время и дату. Мы стояли рядом, не касаясь друг друга, пока чернила сохли на ступенях. Его присутствие ничего не решило за нас; именно поэтому оно казалось настоящей поддержкой.

— Ещё одна вещь, — произнесла я. — В мастерской есть список с семью подписями. Пока обнаружили только шесть. Вы знаете, почему?

Он замер. Ветер подхватил край листа. Нора удержала его ладонью.

— Могу сказать, что количество не случайно, — ответил Рен. — Но смысл седьмой подписи вам придётся искать в протоколе, а не в моих словах.

— Где протокол?

Рен посмотрел на меня с той же мучительной осторожностью, что в первый день.

— В документах, которые закон разрешает запросить. Не обязательно тех, которые комиссия согласится выдать.

И пошёл к выходу, оставив нас с задачей, которая впервые была одновременно опасной и определённой: получить копию записи, которую никто не хотел показывать даже её возможным свидетелям.

Глава 7. Под чешуёй

В Кадерне можно было узнать о человеке две вещи, не спросив его ни о чём: в какой комнате он оставлял верхнюю одежду и чего не любил объяснять. Рен Элдар никогда не сдавал плащ в общую гардеробную и совершенно точно не любил говорить о себе.

На шестое утро я обнаружила его плащ на спинке стула в мастерской. Он был тяжёлый, будто впитал не дождь, а свинцовую пыль, и по одному краю ткань оказалась обожжена свежей ровной полосой. Я не собиралась его трогать. Просто мастер Севра велела мне перенести стопку бумаг, а плащ висел прямо над ящиком со списками.

— Не пытайтесь его чинить, — раздалось из дверей.

— Я только хотела убрать с чужого дела чужую одежду.

— Тогда мы оба поступаем разумно.

Рен снял плащ и повесил его на дальний крюк. На запястье снова темнел ожог. Я заметила, что он сгибает левую руку осторожнее обычного.

— У вас новая рана, — сказала я.

— Старая напомнила о себе.

— Вы хорошо умеете отвечать на другой вопрос.

— Это навык, который здесь слишком щедро оплачивают.

Севра подошла к нам с пачкой ведомостей. Рен должен был доставить их на дальний наблюдательный пост, а ей требовался помощник для сверки числа листов. Нора уже работала с ректорским запросом и не могла отлучиться; поэтому Севра неожиданно предложила пойти мне.

— Госпожа Норр теперь умеет не только возмущаться, но и фиксировать собственные действия, — сказала она. — Присмотрит за бумагами лучше, чем любой возница.

— Я предпочёл бы справиться один, — возразил Рен.

— Вчера вы потеряли половину реестра, потому что пытались удерживать ящик и лестницу одновременно. Мои ученики хотя бы знают, что предметы надо сначала привязать.

Рен посмотрел на меня. Я подняла руки, показывая, что к его тайнам не прикасалась.

— Я не стану задавать вопросов о плаще, — сказала я.

— А о чём станете?

— О ведомостях. И об исправлениях, которые можно увидеть без клятв.

— Согласен, — ответил он после паузы. — Но если попрошу уйти, уйдёте сразу.

— Если объясните, что опасно, — уточнила я.

— Если успею.

Мы отправились к северной окраине вдоль внешней стены города. Здесь Кадерн переставал походить на академию: не было ни фонтанов, ни аккуратных дорожек, только камень, низкие домики наблюдателей и трубопровод, по которому в башню поднимали тёплую воду. На сером небе лежала белая полоса, похожая на тонкий шрам.

— Это Белая буря? — спросила я.

— Дальний край, — сказал Рен. — В обычные дни её не видно. Когда защита истончается, она напоминает о себе.

— А что происходит, если защита не выдержит?

Он обернулся, проверяя, что мы идём одни.

— Между поворотами вдруг становится вдвое больше шагов, чем вчера. Иногда стена уходит от дороги, а иногда лестница сокращается так резко, что люди падают с верхней ступени. Поэтому здесь держат наблюдателей: они замечают изменения раньше, чем их почувствуют жители.

В его голосе не было попытки напугать меня. Он описывал явление так же, как я описывала испорченный переплёт, когда знала, что книги придётся сушить целую неделю.

— Тогда почему ваши наблюдатели работают почти без помощи? — спросила я.

— Потому что большую часть года они никому не нужны. Пока не становятся нужны всем сразу.

В сторожке нас встретила молодая женщина с перевязанным запястьем. Она проверила накладную и попросила оставить ведомости у окна, где было светлее. В соседней комнате кто-то смеялся: двое мальчишек лет четырнадцати помогали таскать дрова и спорили, кто из них быстрее поднимется на лестницу. Они не были учениками академии, только детьми работников, оставшимися на каникулах.

Один из мальчишек заметил сломанный засов на наружной двери и предложил починить его. Женщина запретила; он сделал вид, что согласился, а через минуту уже стоял на низком навесе с отвёрткой. Я увидела это, когда проверяла число печатей в последней пачке.

— Спускайся! — крикнула я.

Мальчишка обернулся. Доска под его ногой треснула. Он ухватился за край крыши, но гвозди в прогнившей балке не выдержали.

Рен бросился к окну быстрее, чем я успела вдохнуть. Я видела только, как он оттолкнул меня от открытой створки — не грубо, а точно в сторону, куда не полетят осколки. В следующий миг воздух в комнате сдавило горячим ветром. Рядом со мной распахнулось нечто чёрное и огромное, покрытое тонкой перепонкой. Когтистая дуга зацепилась за каменный карниз, другой её край подхватил мальчишку прежде, чем тот ударился о землю.

Раздался глухой стук. В окне мелькнула тень длиннее человека. Затем крыло сложилось так быстро, что я не успела рассмотреть, откуда оно вышло.

Рен стоял на коленях возле подоконника, прижимая к груди перепуганного мальчишку. Его плащ порвался по спине, а под тканью на мгновение блеснули тёмные чешуйки. Они исчезали одна за другой, как искры, которые успевают погаснуть раньше, чем упадут на пол.

Женщина вскрикнула и подбежала к ребёнку. Я помогла усадить его на табурет. Он дрожал, но дышал ровно и мог шевелить пальцами. Лекарь пришёл почти сразу: в сторожке сохранился провод аварийного звонка, и наблюдательница успела дёрнуть рукоять. Пока он осматривал мальчишку, Рен поднял обломок доски, вынес его во двор и вернулся с лицом человека, которого боль догнала только после работы.

Я стояла у окна, держа ведомость с печатью, и смотрела на порванный плащ.

— Я видела, — сказала я, когда все наконец занялись своими делами.

— Знаю.

— Это было крыло.

— Да.

— Значит, вы...

— Да, — повторил он и на этот раз позволил себе слабую улыбку. — Я дракон, Эйра. Не требуется делать вид, будто вы не умеете называть очевидное.

Я хотела задать сразу десять вопросов. Почему в Кадерне драконы служат хранителями? Как он помещает крыло под плащ? Был ли этот ожог результатом превращения? Но передо мной стоял человек с кровью на рукаве, который только что спас ребёнка. Поэтому я спросила другое:

— Вам больно?

Он посмотрел на свою руку, словно впервые заметил рану.

— Да. Но пройдёт.

— Это не ответ на вопрос, нужна ли помощь.

Я достала из сумки чистую ткань для переплётных работ. Накладывать повязку не умела, зато умела удерживать края, чтобы не скользили. Рен позволил перевязать порез. Он не

пытался сделать из случившегося подвиг. Спросил, цел ли мальчик, и только после этого прислонился спиной к стене.

— Вы могли погибнуть, — сказала я.

— Он точно погиб бы, если бы я считал риски дольше.

— Значит, у вас тоже бывают решения без протокола.

— Бывают. Обычно потом приходится писать очень длинный протокол.

Я рассмеялась раньше, чем успела решить, прилично ли смеяться рядом с раненым драконом. Рен поднял на меня глаза, и на этот раз между нами не было скрытого третьего собеседника — закона, клятвы или чьего-то распоряжения.

На улицу вышла наблюдательница и сообщила, что мальчик цел, но его матери придётся объяснить, почему доски на крыше не заменили весной. Рен согласился написать рапорт о состоянии сторожки. Я сказала, что подпишу показания о падении. Мы оба знали, что рассказ о крыле останется между нами, пока мальчик не решит говорить сам. Я не собиралась превращать его страх в чужую сенсацию.

Когда наблюдательница ушла, я спросила:

— Почему вы скрываете вторую ипостась?

— Не скрываю от всех. Просто город привык иметь дело с человеком, который приносит ведомости. Крыло заставляет забыть про ведомости. А без них чужие жизни остаются в чьих-то руках.

— Вы говорите так, будто уже однажды это случилось.

Рен отвёл взгляд к белой полосе за скалами.

— Случилось.

Слово прозвучало без попытки вызвать сочувствие. Я почувствовала желание дотронуться до его руки, но удержалась. Мне не хотелось брать близость так же самовольно, как академия забирала имена.

— Вчера я вспомнила вечер с матерью и сестрой, — сказала я. — Самый обычный вечер с яблоками. А потом снова увидела исправленный лист в семейном деле, где материнская подпись выглядит чужой. Я не знаю, что страшнее: что мама могла что-то скрывать от меня или что кто-то воспользовался её именем после смерти.

— Мне жаль, что тебе приходится искать ответ среди чужих подписей.

— Ты мог предупредить меня, что записи Ивы могли менять здесь, в Кадерне.

Он услышал переход на «ты» и на секунду удивился.

— Вчера я боялся, что ты примешь мои догадки за свидетельство. У меня нет права выдавать их за факты.

— Я не требую, чтобы ты нарушал клятву. Но когда ты просто уходишь, это выглядит так, будто тебе не важно, что будет с Ивой.

Рен посмотрел на мои руки. На них оставались следы чернил от ведомостей. Он осторожно положил ладонь на подоконник рядом с моей, не касаясь.

— Мне важно, — сказал он. — И я боюсь, что однажды тебе придётся оценить не только моё молчание, но и решения, которые я принял раньше.

— Я здесь, — сказал он.

Мы простояли так недолго. Достаточно, чтобы я поняла: чувство не обязано превращаться в обещание, которого никто ещё не готов дать.

Перед возвращением в академию Рен проверил все листы и обнаружил, что одна накладная размокла от воды. Чернила расплылись, но на обороте сохранились выпуклые следы от более раннего письма. Я положила бумагу на твёрдую доску и под косым светом увидела семь коротких вдавленных отметок. Под ними читалось слово «свидетель» и начало фразы «без назначения». Остальное исчезло.

— Ты видел раньше такой знак? — спросила я.

Рен взглянул на оттиски. Его пальцы сжались на краю доски, но он не произнёс ни одного запрещённого слова.

— Видел, — ответил он. — Он используется в старых формах согласия. Сохраните лист; пока не доказано, что он относится к вашему делу, это только след чужой записи.

— Но если относится, кто-то уже знал способ подписать согласие без назначения жертвы?

— Возможно.

Это было не согласие и не отрицание. Но теперь я хотя бы знала, какой вопрос задать, когда найду следующий документ.

Мы вернулись к вечеру. На воротах дежурил новый писарь; он принял ведомости без замечаний. Рен настоял, чтобы о спасённом мальчике узнала мать, а о гнилой балке — городская служба ремонта. Потом ушёл к лекарю, всё ещё держа левую руку прижатой к боку.

В общежитии Нора встретила меня кружкой чая и сообщением: ректорская канцелярия приняла наше заявление о Мироне, но ответ отложила до следующей проверки. Я показала ей размокший лист с семью вдавленными штрихами. Она достала лупу и долго водила ею по бумаге.

— Вот что странно, — сказала наконец. — В новых формах согласия пишут, кому поручают обязанность. Здесь на месте назначения пусто. Будто человека можно вписать позднее.

— Так можно?

— По правилам Севры — нельзя. Мы же сами недавно подписывали, что согласие должно быть предметным и добровольным.

Я вспомнила Мирона за решёткой. Его заставили поставить подпись под получением карточки, а потом кто-то попытался превратить её в добровольный перевод. Возможно, одинаковая ошибка повторялась не случайно. Но ещё не было доказано, что она связана с сестрой.

— Мы не станем писать вывод раньше фактов, — сказала я.

— Не станем, — согласилась Нора. — Но поставим рядом два номера дел.

Она подвинула тетрадь. Я записала номер жалобы Мирона и номер возвращённого отправления Ивы. Затем, не зная зачем, добавила третью строчку: «Кто решает, что согласие можно дописать за человека?»

За окном начинался дождь. На подоконнике лежала синяя тарелка. Слово «ИВА» оставалось неподвижным, и я наконец смогла разжать пальцы, которыми весь вечер стискивала край стола.

Рен мог превращаться в дракона. Ива действительно существовала. Мирон был жив и удерживался на работе без согласия. Я всё ещё не знала, как эти факты соединяются. Зато знала, что ни один из них больше не позволю назвать пустяком.

Глава 8. Ночная опись

На седьмой день в Кадерне Нора принесла в нашу комнату простыню, которая не могла принадлежать ни одной из нас.

Она положила её на стол поверх моего конспекта и расправила ладонями. У края ткань была помечена тремя синими стежками, рядом — выцветшим номером «сорок семь». Такие метки ставили не в женском общежитии, где мы жили, а в старом северном корпусе. Я знала это, потому что два дня назад сама переплетала для прачечной книгу выдачи белья.

— Ты собираешься объяснить, зачем украла казённое имущество? — спросила я.

— Не украла. Взяла для сверки. С разрешения кладовщицы и под расписку. Я взрослею на глазах.

— И что мы сверяем?

Нора вынула из кармана небольшой листок, сложенный вчетверо.

— Вчера подали заявку на двенадцать дополнительных комплектов. Для кроватей, которых, согласно учебному плану, у нас нет.

— Двенадцать комплектов ещё не означают двенадцать удерживаемых работников.

— Именно поэтому я пришла к тебе, а не в канцелярию с обвинением. Ты всегда портишь красивые догадки проверкой.

Номер «сорок семь» оказался более полезным, чем сама простыня. В книге прачечной выдачи шли по корпусам, и перед новым годом номера обычно обнуляли. На седьмом листе обнаруживалась странность: северный корпус официально закрыли три года назад, но бельё для него продолжали получать каждый месяц. Разные комплектовщики подписывались за одинаковое число постелей, а строчка «постояльцы» оставалась пустой.

— Может, там разместили наблюдателей, — сказала я. — Или складывают чистые комплекты на случай эвакуации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.